

И.В. Фомин

**КАТЕГОРИЯ ОБРАЗА
КАК СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА
ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В РОССИЙСКОМ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ)¹**

В современной семиотике и коммуникативных исследованиях любые осмысленные наборы знаков принято называть текстами. Так именуются не только письменные или устные отрезки речи на естественном языке (тексты в узком смысле слова), но и вообще любые знаково оформленные фрагменты действительности. В этом смысле текстами являются, например, и массовые демонстрации, и заседания парламента, и вообще любые общественные события.

При этом любой текст как средство передачи информации имеет свойство исчерпывать количество неопределенности (энтропии) в мире. Именно этим все то, что существует в тексте, отличается от существующего в физической реальности. Мир в его физическом измерении состоит из объектов, которые изменяются во времени в сторону нарастания энтропии. Мир, реализующийся в тексте, по мере своего развертывания, напротив, накапливает определенность (негэнтропию) [подробнее см., например: Шрёдингер, 2002, с. 75; Parsons, 1966, р. 28; Ильин, 2009, с. 186–189;

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Разработка интеграционных методов и методик фундаментальных социально-гуманитарных исследований» (грант РФФИ № 13-06-00789 А).

Руднев, 2000, с. 9–22]. При этом человек оказывается существом, принадлежащим одновременно к двум универсумам: и к физической *реальности* материальных объектов, и к информационной *действительности* текстов.

С точки зрения этих наблюдений изучение человека в информационном аспекте его существования (в действительности) может быть оформлено как исследование осмысленного им мира с позиций семиотики, т.е. с позиций методов, ориентированных на изучение мира в его знаковом аспекте. Такого рода оптика может обеспечить получение как гуманитарного знания (знания о бытии-в-тексте), так и знания социального (знания о бытии-в-тексте-для-Другого). Всю совокупность методов, ориентированных на изучение текстов и знаков, можно назвать *семиотическим органом*.

На сегодняшний день пока, пожалуй, рано говорить о семиотическом органе как о чем-то, что уже в полной мере сформировалось и реализовало свой потенциал, однако для развития семиотического инструментария в обществоведении можно усмотреть весьма богатые перспективы [Ильин 2013; Круглый стол... 2013; Фомин, 2014 с]. При этом возможности развития семиотически ориентированных методов исследования связаны не только с высоким аналитическим потенциалом семиотического органа, но и с тем, что в перспективе он может сыграть роль интегратора в отношении разделенных дисциплинарными границами областей социально-гуманитарного знания. В частности, такая перспектива была намечена для семиотики американским ученым Ч.У. Моррисом, который в своей работе 1938 г. «Основания теории знаков» пишет: «Понятие знака может оказаться важным для объединения социальных, психологических и гуманитарных наук, когда их отграничивают от наук физических и биологических» [Моррис, 1983, с. 38]¹.

В своей максималистской версии намеченная Моррисом программа для семиотики на сегодня еще далека от реализации, и задача систематической выработки и внедрения семиотически ориентированных исследовательских инструментов в обществоведении остается одной из самых насущных. В частности, для такого рода методов есть очень широкое потенциальное поле применения в политической науке. В данной статье предлагается обсудить

¹ Подробнее об интегративном потенциале семиотики и о других органах-интеграторах см.: [МЕТОД, 2014].

одну из частных методологических проблем, находящихся именно в рамках этой повестки. Представлена попытка выработки теоретически обоснованного и целостного семиотического аналитического инструмента, ориентированного на изучение дискурсивно конструируемых образов.

Как отмечают ряд авторов [Берендеев, 2012, с. 131; Семененко, 2008, с. 10 и др.], в политической науке число исследовательских работ, ориентированных на анализ образов, сегодня весьма велико, однако вопросы теоретического и методологического характера подробно изучаются лишь в немногих из них, да и то выборочно. Можно надеяться, что предлагаемая здесь к обсуждению аналитическая схема поможет отчасти решить эту проблему.

В рамках статьи предлагается рассмотреть понятие образа и обсудить некоторые теоретико-методологические аспекты его анализа, необходимые для выработки адекватного исследовательского инструментария. Для иллюстрации возможностей применения обсуждаемой аналитической модели в заключительной части статьи представлен в качестве примера разбор образа Южной Осетии в российском внешнеполитическом дискурсе¹.

Образ: От метафоры к модели

Часто в нашем языке можно столкнуться с метафорическим перенесением на слова, так или иначе связанные с визуальным восприятием, значений, имеющих отношение к получению и обработке информации вообще. И такого рода перенос происходит не только в обыденной речи (например, англ. *I see* – я понимаю), но и в научном и философском дискурсах.

При внимательном рассмотрении набора используемых в науке понятий можно обнаружить целый ряд концептов, имеющих метафору визуального в своей основе. Слово «идея», например, происходит от др.-греч. *ἰδέα* «вид, образ», а «теория» – от др.-греч. *θεωρία* «смотрение, наблюдение». В таких словах, будучи метафорически обогащена когнитивными смыслами, визуальность приобретает различные оттенки, которые можно проследить, сравнив, например, «непосредственную видимость» *образа* [Лотман, 1998, с. 65–66], «усматриваемую видимость» *теории* [Хайдеггер, 1993, с. 243; Аристотель, 2012; Аристотель, 2004, с. 47; Ильин, 2012,

¹ См. также сравнение образов Южной Осетии и Косова: [Фомин, 2014 b].

с. 6], «открытую лишь уму, “незримую” видимость» *идеи* [Платон, 2007, 52 b] и «созидающее видение» *воображения* [Appadurai, 1996, p. 31; Castoriadis, 1998; Taylor, 2004; Касториадис, 2003; Тейлор, 2010; Фомин, 2012]. Понятие образа в этом ряду представляется одним из самых зыбких.

Образ относится к числу тех понятий, которые могут представляться обманчиво ясными на интуитивном уровне. И вероятно, по этой причине оно находит широкое распространение в дискурсе общественных наук без должной предшествующей теоретической проработки.

Круг публикаций, посвященных изучению конкретных образов (и *имиджей*), в рамках политических исследований довольно разнообразен. Однако попытка вывести определение образа из всего набора случаев употребления данного понятия в рамках научного дискурса едва ли даст какой-то вразумительный результат. Тому есть две причины. Во-первых, практика использования понятия *образ* зачастую отличается небрежностью. Во-вторых, даже в тех случаях, когда авторы стремятся дать более или менее строгое определение, они обычно вырабатывают или заимствуют его ad hoc для целей конкретного исследования, не пытаясь укоренить его в теории.

В итоге имеется довольно обширный корпус научных текстов, в которых так или иначе ведут речь об образах, однако не просматривается устоявшихся и теоретически фундированных подходов к их исследованию даже в рамках отдельных дисциплин. Дополнительные трудности возникают в связи с тем, что существует ряд понятий, омонимичных и синонимичных понятию *образ*, – например, *имидж*, *бренд*, *миф*, *символ*, [*визуальный*] *образ* (изображение), *иконический знак*, *метафора* и т.п.

Чтобы несколько прояснить содержание категории образа, предлагается начать не со специфических дискурсологических или политологических построений, а с обращения к некоторым более общим концептуальным наработкам. Как уже отмечалось выше, понятие *образ* в широком смысле слова возникает вследствие метафорического насыщения «когнитивными» смыслами более узкого понятия *визуального образа* (изображения). О таком образе-изображении С.С. Аверинцев рассуждает, сопоставляя его с понятиями символа, знака и мифа. В частности, Аверинцев пишет: «[Художественный символ] – универсальная категория эстетики, лучше всего поддающаяся раскрытию через сопоставление со смежными категориями образа, с одной стороны, и знака – с дру-

гой. Беря слова расширительно, можно сказать, что символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и что он есть знак, наделенный всей органичностью мифа и неисчерпаемой многозначностью образа. Всякий символ есть образ (и всякий образ есть, хотя бы в некоторой мере, символ); но если *категория образа предполагает предметное тождество самому себе*, то категория символа делает акцент на другой стороне той же сути – на выходе образа за собственные пределы, на присутствии некоего смысла, интимно слитого с образом, но ему не тождественного» [Аверинцев, 2006, с. 386; курсив мой. – И. Ф.].

Несмотря на то что Аверинцев в приведенной цитате рассуждает лишь о визуальном образе-изображении¹, уже здесь можно обнаружить указание на одно из ключевых свойств образа вообще. Это свойство – его самотождественность, т.е. произвольность. В образе, в отличие от конвенциональных (условных) языковых знаков, планы содержания и выражения оказываются взаимно обусловлены. И потому образ оказывается по своему устройству близок к *иконическому знаку*. (По Ч. Пирсу, иконический знак – знак, который обладает рядом свойств, присущих обозначаемому им объекту. Отношения между иконическим знаком и объектом, на который он указывает, – это отношения подобия; иконический знак оказывается знаком просто в силу того, что ему «случилось быть похожим» на свой объект [Усманова, 2001, с. 290].)

Ю.М. Лотман также отмечает сходство образа с иконическим знаком: «Словесное искусство, – пишет он, – начинается с попыток преодолеть коренное свойство слова как языкового знака – необусловленность связи планов выражения и содержания – и построить словесную художественную модель, как в изобразительных искусствах, по иконическому принципу. <...> Из материала естественного языка – системы знаков, условных, но понятных всему коллективу настолько, что условность эта на фоне других, более специальных “языков” перестает ощущаться, – возникает вторичный знак изобразительного типа (возможно, его следует соотносить с “образом” традиционной теории литературы). Этот вторичный изобразительный знак обладает свойствами иконических знаков: непосредственным сходством с объектом, наглядностью, производит впечатление меньшей кодовой обусловленности...» [Лотман, 1998, с. 65–66].

¹ О структурном семиотическом анализе образов-изображений см.: [Барт, 1989].

Действительное преодоление языковым знаком своей произвольности принципиальным образом расходится с одним из фундаментальных принципов структуралистского понимания природы языкового знака, в соответствии с которым связь между означающим и означаемым в знаке имеет произвольный характер [Соссюр, 1977, с. 100]. То есть при рассмотрении естественного языка, взятого во всей его целостности, объяснения произвольности знака-образа обнаружить нельзя. Однако данный эффект все же может быть объяснен. Для этого необходимо обратиться не к тому, как знак функционирует в языке в целом, а к тому, как он задействуется в том или ином *дискурсе*, т.е. в социально суженной речевой деятельности – в языке и речи, рассмотренных с точки зрения их погруженности в социальное.

Социальная суженность дискурса предполагает наличие в нем ряда дополнительных конвенций (правил), которые отсутствуют в языке, рассмотренном независимо от социального контекста. Один из способов описания этих дополнительных конвенций – выделение их в дополнительную семиологическую систему, надстраиваемую над традиционной семиотической триадой «означающее – означающее – знак», как это было сделано Бартом в случае с его моделью мифа [Барт, 1989 а, с. 78]. Обратившись еще раз к приведенным выше рассуждениям Ю.М. Лотмана об образе как «вторичном изобразительном знаке», предпримем попытку схематически представить такую двухуровневую конструкцию для образа (рис. 1).

Означающее	Означаемое	
Знак =		
Образное означающее		Образное означаемое
Образ		

Рис. 1. Образ как элемент вторичной семиологической системы

Рассмотренный с такой точки зрения образ действительно оказывается иконичен, ведь образное означаемое обладает непосредственным сходством с образным означающим (с языковым знаком, над которым образное означаемое надстроено). Указания на это можно найти, например, и у Р. Барта, который отмечает, что

вторая семиологическая система «есть идеографическая система в чистом виде, в ней формы еще мотивированы тем концептом, который они репрезентируют» [Барт, 1989 в, с. 93].

Важно отметить, что первая и вторая знаковые системы не изолированы друг от друга и выступают друг для друга в роли порождающих и отражающих структур: в образе «конденсируется» опыт использования знака, а практика использования знака, в свою очередь, ограничивается опытом, сконденсированным в образе.

Индуктируемая на языковой знак роль образного означающего накладывает ряд дополнительных ограничений на его использование, обусловленных конвенциями, характеризующими тот или иной дискурс. Суть последних может быть уяснена только в том случае, если при исследовании образов мы выйдем за пределы узколингвистических уровней описания и дополним их уровнями дискурсологических, т.е. уровнями, позволяющими описывать текстовые объекты, более протяженные, чем одно предложение [Барт, 2000, с. 199–200]. Однако речь идет не просто о количестве слов в рассматриваемых фрагментах и не об определенных знаках препинания, обозначающих их границы. Говоря об объектах, больших, чем одно предложение, мы имеем здесь в виду не размер объекта, а масштаб его рассмотрения. Можно представить себе и дискурс, состоящий лишь из одного предложения, но и для него рассмотрение возможно будет в двух различных масштабах. С одной стороны, оно может быть описано узколингвистически – как отрезок речи на определенном языке, в котором реализуются определенные законы, этому языку присущие. С другой стороны, о нем возможно будет рассуждать, например, как о повествовательном тексте, состоящем из определенных сюжетных элементов, присущих тому или иному жанру и актуальных для определенной коммуникативной ситуации.

При узколингвистическом описании исследователь ставит перед собой задачу выявления законов, которым подчиняется язык в целом, а при описании дискурсологическом – анализирует конвенции, действующие лишь в определенных социальных обстоятельствах. В этом и состоит разница между масштабами описания.

Образы, как уже отмечалось выше, накапливают в себе именно смыслы, специфические для тех или иных дискурсов, а не для языка в целом. По этой причине посредством образов проявляют себя всевозможные социальные контексты. В случае политики и политических дискурс-исследований такие контексты, например, создаются моделями политического (взаимо) действия.

И именно по этой причине исследование дискурсов, и в частности исследование образов, им присущих, имеет не узколингвистическое, но общесловесное содержание.

Уровни семиотического анализа

Выше уже отмечалось, что идея о междисциплинарных возможностях семиотики была впервые сформулирована американским ученым Ч.У. Моррисом. Одним из главных элементов моррисовской теории была предложенная им триада уровней семиотического анализа:

- 1) семантика,
- 2) синтактика,
- 3) прагматика.

Согласно этой схеме, к сфере семантики предлагается относить отношения между знаками и означаемыми ими объектам, к синтактике – отношения знаков между собой, а к прагматике – отношения знаков к интерпретаторам [Моррис, 1983, с. 42]. Для каждого из уровней анализа характерен собственный набор единиц и правил их сочетания [Бенвенист, 1974, с. 132; Барт, 2000, с. 201]

Именно с точки зрения этих трех аспектов семиотического описания – семантического, синтактического и прагматического – предлагается анализировать образы¹ в рамках предложенной ниже схемы, которая представляет собой модель для разбора образов через семиотическое исследование повествовательных текстов.

Семантический аспект анализа образа

В качестве единиц описания образов на уровне семантики предлагается рассматривать элементарные единицы сюжета (функции), на которые можно разложить любое повествование². При этом такого рода элементарные функции охватывают функциональный класс, определяемый понятием «делать» [Барт, 2000, с. 206]. То есть семантическое описание образа указывает на то, что изображаемое действующее лицо «делает» в том или ином дискурсе.

¹ Подробнее о семиотике образа см.: [Фомин, 2012, с. 237–250].

² О семиотике повествований см.: [Барт, 2000; Тодоров, 1975; Цымбурский, 2013; Фомин, 2013].

Важно понимать, что функция «существует актор N» – это тоже один из вариантов элементарной семантической единицы (т.е. один из вариантов ответа на вопрос «что делает?»). Поэтому к сфере семантики относятся также и вопросы о том, в каких более частных проявлениях воплощается в дискурсе тот или иной актор. Ведь далеко не всегда, например, государство представлено в дискурсе как единый актор. Зачастую это набор из нескольких акторов, в который может входить собственно государство (например, *Россия*), государственные органы (*правительство России, президент России*), официальные лица государства (*президент Путин*), вся нация (*народ России*) и т.д.¹

Таким образом, при анализе семантического аспекта дискурсивных образов перед исследователем встает задача установить, в виде каких связанных отношениями корреляции функций представлен в дискурсе изображаемый актор. При этом данная задача обычно распадается на два подвопроса.

1. В виде каких функций-персонажей представлен изучаемый актор («что существует?»).

2. С какими функциями-событиями он связан в повествовании («что делает?»).

Синтаксический аспект анализа образа

Если описание образа через элементарные семантические функции можно назвать *функциональным* его аспектом, то описание на уровне синтактики можно считать его *качественной* характеристикой. То есть если на уровне семантики описание образа выстраивается по принципу «что делает?», то на уровне синтактики основным вопросом оказывается вопрос «чем является? (какую роль выполняет?)».

Суть качественного (синтаксического) анализа образа заключается в определении изображаемого персонажа через круг его действий. Иными словами, на этом уровне задается распределение ролей-действий («качеств») персонажей, формирующих их образы.

Существуют разные подходы к описанию дискурсивной синтактики. Один из них был предложен В.Я. Проппом в его

¹ При этом у выделения нескольких акторов для одного и того же государства на уровне семантики может быть и прагматическое измерение. Так, например, зачастую в случаях конфликтов могут дискурсивно дифференцироваться агрессивное правительство противника и мирный народ, лишь выполняющий его указания.

Поясним роли, характерные для каждого из актантов:

- Субъект направлен на Объект, стремится к установлению связи с ним (желает или ищет его)¹;
- Помощник способствует установлению связи между Субъектом и Объектом;
- Противник препятствует установлению связи между Субъектом и Объектом;
- Адресант запрашивает установление связи между Субъектом и Объектом;
- Адресат выигрывает от установления связи между Субъектом и Объектом (Адресант и Адресат часто совпадают).

Важно понимать, что определенный актант включает целый класс персонажей и может воплощаться в самых различных «актерах», в том числе и в нескольких, а также может опускаться.

Вероятно, в общем случае удобнее использовать при анализе образов именно актантную модель А.-Ж. Греймаса, которая, несмотря на известные ограничения, все же имеет универсальный характер, что является ее несомненным достоинством. Кроме того, схема Греймаса достаточно проста в освоении в качестве аналитического инструмента. Это, как можно надеяться, позволит пользоваться ею не только специалистам-дискурсологам, но и более широкому кругу ученых-обществоведов.

Анализ текста на уровне действий важен для изучения образов, поскольку образ можно определить как знак, нагруженный дополнительным образным означаемым, возникающим, в частности, из практики задействования данного знака в качестве актера для того или иного набора актантов. При этом «качественному» описанию образа соответствует его описание на уровне актантов, которое может быть развернуто в функциональное описание через набор парадигматических корреляций между единицами уровня действий и уровня функций.

Преимущества качественного описания образов наиболее очевидны при работе с большими массивами текстов, поскольку описание образа через элементарные функции в таком случае может оказываться слишком громоздким. А понимание того, что качественное описание есть свернутый вариант описания функционального, является важным теоретико-методологическим

¹ Также возможны сюжеты, в которых Субъект испытывает фобию в отношении Объекта, стремится избавиться от него, разорвать связь с ним.

моментом, необходимым для адекватного понимания и использования категории образа как аналитического инструмента в дискурс-исследованиях.

Прагматический аспект анализа образа

Третий уровень описания образов в представляемой аналитической схеме – это уровень прагматики. При осуществлении анализа на этом уровне в фокусе внимания исследователя оказываются отношения между текстом и ситуацией его порождения, в частности отношения «автор – текст», «адресат – текст», «автор – адресат», «автор – ситуация коммуникации», «адресат – ситуация коммуникации» и т.п.

Прагматическое измерение исследования дискурса, и в частности исследования образов, могло бы принести весомые результаты. Однако на сегодняшний день, к сожалению, еще не разработан инструментарий, позволяющий формально описывать отношения на данном уровне. Кроме того, сфера прагматического зачастую интерпретируется весьма широко и теряет четкость очертаний, вбирая в себя любые рассуждения по поводу языка, которые мало похожи на семантику или синтактику [Баранов, 1990, с. 27]. Впрочем, это не должно быть основанием для исключения уровня прагматики из круга внимания исследователя. Описание образов на уровне прагматики позволяет делать важные заключения, касающиеся всевозможных оценок и эмоциональных окрасок образов.

При этом необходимо отметить, что, поскольку исследования на уровне прагматики тесно связаны с анализом конкретных ситуаций коммуникации, наборы категорий, используемых при анализе, могут варьироваться в зависимости от изучаемой социальной проблематики и продиктованных ею задач.

Так, например, достаточно продуктивные методологические схемы прагматического анализа на материале социальной проблематики были выработаны в рамках критического дискурс-анализа (КДА), где, в частности, предлагают выстраивать прагматический анализ как исследование дискурсивных стратегий. При этом такого рода стратегии понимаются как более или менее намеренно и последовательно реализуемые планы по систематическому использованию языка, направленные на достижение определенных социальных, политических, психологических и тому подобных целей [Reisigl, Wodak, 2001, p. 44]. Таким образом, делается по-

пытка связать уровень повествовательной прагматики как последний уровень анализа, укладывающийся в пределах текста [Барт, 2000, с. 224], с другими системами (социальными, политическими, экономическими и т.п.)¹.

Пример анализа образа: Южная Осетия в российском внешнеполитическом дискурсе

Продемонстрируем возможности дискурсивного анализа образа в политических исследованиях на примере образа Южной Осетии, конструируемого в российском внешнеполитическом дискурсе с 26 августа 2008 г. по 7 мая 2012 г., – в период, когда решалась сложная задача конструирования и закрепления образа республики, только что признанной в качестве нового государства. В основу данного исследования положен анализ 26 текстов президента Российской Федерации, в которых упоминается Южная Осетия. Для каждого текста был осуществлен семантический, синтаксический и прагматический анализ по представленной выше схеме.

Семантический аспект образа Южной Осетии

С точки зрения семантики образ Южной Осетии в российском внешнеполитическом дискурсе, как было установлено, складывается из образов двух разных акторов – *народа Южной Осетии* и *собственно Республики Южная Осетия*.

При этом для каждого из этих акторов очерчивается фиксированный набор приписываемых ему действий. Причем действия народа Южной Осетии редко совпадают с действиями, приписываемыми Республике Южная Осетия.

Иногда в российском внешнеполитическом дискурсе упоминаются также руководители республики [см., например: Медведев, 2008 с]. Однако их упоминания слишком редки, чтобы вести речь о том, что их образы составляют какую-то значимую часть образа республики.

Упоминания конкретных государственных органов Южной Осетии также несколько раз встречаются в проанализированном массиве текстов, но недостаточно часто, чтобы можно было вести речь об

¹ Подробнее о дискурсивных стратегиях репрезентации государств см.: [Фомин, 2015 а, с. 129–131].

их вкладе в образ. По сути единственным текстом, в котором отдельные органы (президент Южной Осетии и парламент Южной Осетии) фигурируют в качестве значимых акторов, оказывается заявление президента России о признании Абхазии и Южной Осетии [Медведев, 2008 b]. При этом единственным упоминаемым действием главы республики оказывается обращение к России с просьбой о признании. А единственным действием республиканского парламента – принятие решения, на котором такое обращение основывается [там же].

Кроме того, в исследованных текстах можно отметить ряд эпизодов, когда о Южной Осетии речь ведется не как о государстве или нации, но как о *случае, проблеме* или *конflikте*. Впрочем, такие эпизоды в проанализированных текстах встречались не особенно часто.

Что касается действий, предсказуемых двум основным акторам – *Южной Осетии* и *народу Южной Осетии*, – то они, хотя и формулируются по-разному в каждом конкретном тексте, могут быть аналитически сведены к следующим событиям (указаны пропозиции, встречающиеся более, чем в одном тексте):

Народ Южной Осетии:

- стремится к самостоятельности, боролся за независимость, высказывался за независимость республики на референдуме;
- подвергся опасности истребления, геноцида;
- является тем, чье возможное истребление стало причиной признания Южной Осетии Россией, а также тем, чье сохранение и защита стали целью признания Южной Осетии;
- пережил страдания, преодолел испытания;
- получил защиту в лице России, спасен Россией;
- является тем, чье сосуществование с грузинским народом в одном государстве стало невозможным после агрессии Саакашвили.

Южная Осетия:

- объявила о суверенитете;
- является предметом агрессии со стороны Грузии, которую остановила Россия;
- является предметом агрессии, которая привела к гибели людей;
- является предметом агрессии, которая стала угрозой для международного правопорядка, показала несовершенство системы европейской безопасности;
- является тем, чью независимость признала Россия;

- является отдельным субъектом международного права, независимым государством, новым государством;
- нуждается в поддержке;
- связана с Россией несколькими договорами;
- стремится восстановить экономику и социальную сферу;
- является государством, с которым Россия строит партнерские, дружеские отношения;
- установила дипотношения с Россией;
- стремится к миру, безопасности, развитию и стабильности вместе с Россией;
- является государством, которое Россия защищает от новой агрессии, которому Россия обеспечивает безопасность;
- имеет много проблем;
- стремится строить институты;
- стремится защищать свои границы;
- получает помощь от России.

Таким образом, можно отметить, что в официальном российском политическом дискурсе народ Южной Осетии представлен, прежде всего, как актер, стремящийся к созданию независимого государства, и как актер, подвергающийся опасности и нуждающийся в защите. Один из способов обеспечения такой защиты – это признание государственности Южной Осетии.

Что касается *Южной Осетии как государства*, то ее образ оказывается тесно связан с эпизодом признания ее независимости. Кроме того, важной частью образа оказываются сюжеты, связанные с установлением отношений с Россией и послевоенным развитием. При этом, как и в случае с *народом Южной Осетии*, значительной частью образа оказывается та его часть, что связана с пребыванием в роли объекта агрессии.

Синтаксический аспект образа Южной Осетии

Вторым исследуемым аспектом в анализе образа Южной Осетии в российском внешнеполитическом дискурсе стал разбор этого образа с точки зрения повествовательной синтактики. При этом в качестве базового материала использовались как сами анализируемые тексты, так и уже выявленные на этапе семантического анализа наборы эпизодов.

Для каждого из текстов, вошедших в анализируемый корпус, было произведено построение актантной схемы по модели А.Ж. Греймаса, в которую были вписаны основные фигурирующие в

повествовании акторы и события. После проведения анализа и построения схемы для каждого отдельного текста появилась возможность выявить тексты, сходные с точки зрения схемы распределения актантных ролей, а также определить такого рода схемы, общие не только для конкретных текстов, но и для всего дискурса. Таким образом были выявлены четыре актантные схемы, с помощью которых можно в основном описать образ Южной Осетии в исследуемом дискурсе. Ниже приведем каждую из них с кратким описанием.

Первый сюжет, который будет рассмотрен, разворачивается вокруг отношений между Грузией (или лично президентом Саакашвили) и Южной Осетией, выстраивающимися по оси желаний. При этом тематическая силы в разных текстах, где такого рода структура реализуется, разнятся. В одних речь идет о желании Грузии обладать Южной Осетией [см., например: Медведев, 2008 б], в других – о желании уничтожить ее (или ее народ) [см., например: Медведев, 2008 а]. Впрочем, как отмечает сам Греймас, тематические силы на оси желаний могут быть как «желанием воссоединиться, обрести», так и «фобией» (желанием избавиться) [Греймас, 2000, с. 165]. На общую схему сюжета такого рода различия в нашем случае не повлияли.

В обобщенном виде схема с позитивной тематической силой (желание присоединить) может быть представлена в следующем виде (табл. 1).

Таблица 1

Актантная схема, характеризующая образ Южной Осетии (1)

Адресант	Объект	Адресат
	<ul style="list-style-type: none"> • Южная Осетия • Абхазия 	<ul style="list-style-type: none"> • Гибель людей • Гуманитарные проблемы • Угроза мировому правопорядку
Помощник	Субъект	Противник
<ul style="list-style-type: none"> • Россия пытается сохранить территориальную целостность Грузии • Война • Геноцид народа Южной Осетии 	<ul style="list-style-type: none"> • Грузия 	<ul style="list-style-type: none"> • Россия вмешивается в конфликт в Южной Осетии • Россия признает независимость Южной Осетии • Признание Южной Осетии Россией • Народ Южной Осетии • Южная Осетия • Здравый смысл • Международное право

Таким образом, Южная Осетия в этой схеме оказывается в трех актантных ролях. Во-первых, она напрямую задействована в позициях Объекта и Противника. Во-вторых, косвенным (пассивным) образом представлена как элемент пропозиции, задействованной в актантах Помощник и Противник: *геноцид югоосетинского народа – одно из средств, способствующих присоединению республики к Грузии, признание Южной Осетии Россией – способ остановить силовую попытку присоединения Южной Осетии к Грузии.*

Несколько иначе сконфигурированы повествовательные роли в другом типе сюжетов (табл. 2), который был также выявлен при анализе исследуемого дискурса.

Таблица 2

Актантная схема, характеризующая образ Южной Осетии (2)

Адресант	Объект	Адресат
	<ul style="list-style-type: none"> • Независимость • Государственность • Суверенитет 	
Помощник	Субъект	Противник
<ul style="list-style-type: none"> • Право на самоопределение • Референдумы в Южной Осетии и Абхазии • Российское признание 	<ul style="list-style-type: none"> • Народ Южной Осетии • Народ Абхазии 	

Подобная схема распределения актантных ролей встречается в корпусе исследованных текстов несколько реже [см., например: Медведев, 2008 е], чем та, что была представлена в табл. 1. Однако ее также можно назвать одной из доминирующих в российском политическом дискурсе. Эта схема описывает набор событий, схожий с тем, что охватывается схемой первого типа, но с точки зрения повествовательной синтактики она выстроена иначе.

В этой схеме *народ Южной Осетии* представлен в качестве Субъекта, устремленного к обретению государственности, независимости, самостоятельности и т.п. И установлению этой связи способствует, в частности, признание Южной Осетии Россией. При этом в качестве средств обретения независимости иногда указываются проведенный в Южной Осетии референдум по вопросу о независимости республики, а также право югоосетинского народа на самоопределение.

Интересно отметить, что в сюжетах данного типа обычно вообще никак не представлены действия Грузии.

Наконец, еще один тип актантной конфигурации, который был выделен на проанализированном материале, предполагает нахождение России в роли Субъекта, который ориентирован на противоречивый набор Объектов: сохранение территориальной целостности Грузии и соблюдение прав жителей Южной Осетии (табл. 3) [см., например: Медведев, 2008 d].

Таблица 3

Актантная схема, характеризующая образ Южной Осетии (3)

Адресант	Объект	Адресат
	<ul style="list-style-type: none"> • Территориальная целостность Грузии • Защита интересов осетин и абхазов • Защита жизней жителей Южной Осетии 	
Помощник	Субъект	Противник
<ul style="list-style-type: none"> • Российские миротворцы • Международные усилия • Признание Южной Осетии Россией 	<ul style="list-style-type: none"> • Россия 	<ul style="list-style-type: none"> • Грузия

В данной схеме Южная Осетия оказывается представлена лишь в пассивной роли и косвенным образом – в контексте признания республики Россией (Помощник) и в виде указания на интересы осетинского народа (Объект).

Следует отметить, что приведенные выше сюжетные схемы описывают преимущественно события, происходившие до признания Южной Осетии Россией или сразу после этого события. Если же говорить о текстах, описывающих более поздний период [см., например: Медведев, 2008 с], то для них характерны иные актантные конфигурации. Наиболее распространенная из них такова (табл. 4).

Актантная схема, характеризующая образ Южной Осетии (4)

Адресант	Объект	Адресат
<ul style="list-style-type: none"> • Международное право 	<ul style="list-style-type: none"> • Мир • Стабильность • Развитие абхазского и югоосетинского народов • Безопасность • Партнерство • Независимость Южной Осетии и Абхазии 	
Помощник	Субъект	Противник
<ul style="list-style-type: none"> • Договоры Южной Осетии с Россией • Признание со стороны России 	<ul style="list-style-type: none"> • Южная Осетия • Абхазия • Россия 	

В этом типе повествования также присутствуют эпизоды, связанные с признанием Южной Осетии Россией, однако дополнена обсуждаемая проблематика темами, связанными с послевоенным развитием Южной Осетии и с выстраиванием отношений между Южной Осетией и Россией.

Зачастую в этих сюжетах и Южная Осетия и Россия представлены в позициях Субъектов, устремленных к обеспечению развития, безопасности и восстановления Южной Осетии.

При этом очень важным смысловым узлом оказывается эпизод, связанный с заключением договоров о сотрудничестве между Россией и Южной Осетией. В целом ряде текстов этот момент представлен в позиции Помощника при соответствующих Субъекте и Объекте.

Прагматический аспект образа Южной Осетии

На этапе обсуждения прагматического аспекта образа Южной Осетии, формируемого в рамках официального российского внешнеполитического дискурса, будут рассмотрены основные дискурсивные стратегии, о реализации которых можно судить по некоторым систематическим языковым приемам, используемым в анализируемом дискурсе для создания образа, заряженного оцен-

ками и политически ориентированного на продвижение определенной версии социальной реальности.

На первом этапе прагматического анализа образа Южной Осетии были исследованы способы референции, используемые в анализируемом дискурсе при указании на республику. При этом по результатам рассмотрения всех случаев указания на Южную Осетию в текстах можно заключить, что доминирующей стратегией при конструировании соответствующего образа в российском внешнеполитическом дискурсе является стратегия этатизации, т.е. стратегия, ориентированная на то, чтобы представить репрезентуемое образование именно как полноценное государство.

При реализации стратегии этатизации в случае Южной Осетии использовались разные способы указания на соответствующее государственное образование. Применялись как более мягкий способ именования, допускающий двойственные трактовки статуса – *Южная Осетия*, так и жесткий вариант, предполагающий целенаправленное подчеркивание признания полноценного государственного статуса республики – *Республика Южная Осетия, суверенная Южная Осетия, суверенное государство, независимое государство, субъект международного права, новая страна, молодое югоосетинское государство* и т.п.

Необходимо сказать несколько слов о тех референциальных стратегиях, которые можно зафиксировать при анализе способов репрезентации населения Южной Осетии. Как уже указывалось выше, *народ Южной Осетии* широко представлен в дискурсе и является одним из основных акторов, составляющих часть широкого образа Южной Осетии. При этом, однако, важно отметить, что в проанализированном дискурсе обозначения *народ Южной Осетии, население Южной Осетии, граждане Южной Осетии, югоосетины* и *осетины* используются без какой-либо очевидной дифференциации. Но если соотнести это обстоятельство с соответствующим политическим контекстом, нетрудно обнаружить его политическую подоплеку: отнюдь не все население Южной Осетии можно с очевидностью отнести к осетинам или югоосетинскому народу.

Точные данные о современном этническом составе населения Южной Осетии отсутствуют, однако известно, что до августа 2008 г. на территории республики существовали анклавные с грузинским населением. После войны августа 2008 г. эти анклавы были уничтожены: все постройки в грузинских селах были разрушены, а грузинское население вынуждено было покинуть территорию Южной Осетии без возможности вернуться [Эдуард Кокойты...

2008]. Таким образом, дискурсивная редукция населения Южной Осетии до его осетинского компонента с очевидностью может рассматриваться как целенаправленная политическая стратегия, реализуемая через дискурс.

Еще один важный прагматический момент, связанный с образом Южной Осетии и смежный с проблемой репрезентации населения республики, заключается в том, что в российском внешнеполитическом дискурсе прослеживается дискурсивная стратегия радикального исключения в отношении грузинских беженцев, покинувших Южную Осетию с момента начала югоосетинского конфликта. По данным Временной администрации Южной Осетии¹, численность грузин, покинувших территорию Южной Осетии, насчитывает по состоянию на 2013 г. 25 тыс. человек [Абхазия и Южная Осетия... 2013, с. 35]. И хотя эти конкретные цифры можно подвергнуть сомнению, очевидно, что полное исключение проблемы беженцев из рассмотрения является одним из целенаправленных дискурсивных ходов, ориентированных на политически ангажированное формирование образа республики.

Если перейти от вопросов референции к вопросам предикации, то ориентированность российского дискурса на конструирование образа Южной Осетии как полноценного и самостоятельного международного субъекта оказывается несколько размытой. В текстах, которые ориентированы на описание ситуации, предшествующей признанию республики Россией, можно обнаружить, что народу Южной Осетии приписывается стремление к обретению независимости, выражающееся в соответствующих действиях. Однако к Южной Осетии такая «активирующая» стратегия не применяется.

При анализе набора действий, предсказуемых Республике Южная Осетия в исследуемом дискурсе, можно обнаружить, что новому государственному образованию стратегическим образом предписывается пассивная роль получателя государственного признания. При этом субъектность Южной Осетии выражена слабо (пассивация). И хотя в целом ряде случаев можно обнаружить Южную Осетию в актантной роли Субъекта (см. выше), ее задействованность в повествовании зачастую ограничивается констатацией ее желания обрести нечто (государственность, экономику,

¹ Временная администрация Южной Осетии – альтернативное правительство Южной Осетии, созданное по инициативе грузинских властей, лояльное им и признаваемое ими в качестве легитимного.

институты и т.п.) при отсутствии пропозиций, которые отражали бы какие-либо усилия в этом направлении. Такого рода усилия повсеместно оказываются предписаны России – либо так или иначе ею опосредованы (договоры о сотрудничестве, помощь, партнерство и т.п.).

Дополнительным фактором пассивации образа Южной Осетии оказывается ее дискурсивная виктимизация. Одним из доминирующих эпизодов, связанных с Южной Осетией, оказывается ситуация, когда она выступает в роли жертвы (предмет агрессии, жертва геноцида, объект нападения и т.п.).

Можно было бы ожидать, что при широко представленной в дискурсе теме сотрудничества между Россией и Южной Осетией для образа новопровозглашенной республики будет характерна стратегия позитивной оценочной референции и предикации, однако в действительности на материале такого рода гипотеза своего подтверждения не нашла: образ Южной Осетии оказался выстроен скорее в нейтральных тонах.

Тем не менее, хотя оценочная позиция говорящего в текстах и не проявлялась, нам удалось зафиксировать явную тенденцию к ассоциации между говорящим (адресантом) и Южной Осетией. В целом ряде текстов были зафиксированы многочисленные случаи использования личных местоимений первого лица множественного числа, когда речь шла о Южной Осетии и России, о президентах России и Южной Осетии и т.п.

Преимущественно такого рода ассоциация фиксировалась в текстах, построенных в соответствии с актантажной конфигурацией, представленной выше в табл. 4.

Заключение

Результаты, которые удалось получить, проведя анализ образа Южной Осетии по предложенной схеме, позволяют предположить, что применение такой схемы может быть продуктивным в целом ряде дескриптивных и компаративных исследований, когда требуется детально и систематически описать образы тех или иных политических акторов. При решении такого рода задач образы, как было показано выше, могут исследоваться как знаки, нагруженные дополнительным образным означаемым, придаваемым им в рамках каждого конкретного дискурса.

При осуществлении анализа семантический, синтаксический и прагматический аспекты образов могут исследоваться посредством выявления семиотических единиц, специфических для каждого из этих трех уровней описания. На уровне семантики – из текстового материала вычлняются элементарные содержательные единицы повествований, характеризующие основные действия изображаемого актора. На уровне синтактики – для каждого входящего в исследуемый дискурс текста составляется схема распределения актантных ролей и выясняется место, занимаемое в ней изучаемым актором. На уровне прагматики – выявляются дискурсивные стратегии, реализуемые в дискурсе в отношении того или иного репрезентуемого актора.

Такая модель образа может быть использована в целом ряде обществоведческих дисциплин, и в частности, в политических исследованиях. Объекты анализа при этом могут избираться самые разные: программные политические тексты, медийные тексты, официальные внутри- и внешнеполитические документы, устные заявления политиков и т.д. Иными словами, есть основания предполагать, что образы, формирующиеся в политических дискурсах, могут быть предметом последовательного анализа, несмотря на то что – при всей своей очевидности – сегодня они обычно от систематического рассмотрения уклоняются.

В качестве одного из достоинств предложенной схемы анализа можно отметить тот факт, что в проводимых с ее использованием исследованиях кодированные описания образов могут быть составлены на самом равном материале. При этом «язык», на котором такого рода описания составляются, оказывается независим от дисциплинарных границ, продиктованных тематикой текстов или дисциплинарной принадлежностью исследователя. Впрочем, это следует отнести не столько к числу преимуществ данного конкретного метода, сколько в целом ко множеству возможных семиотически ориентированных методов анализа социальной действительности.

Через призму семиотики становится возможным изучение объектов социальной действительности (семантика) и связей между ними (синтактика), а также исследование идентитарных, аксиологических и социально-критических вопросов (прагматика). При этом семиотически ориентированные методы обычно могут применяться трансдисциплинарным образом, что создает предпосылки для методологической интеграции социального знания по мере их развития и внедрения.

Литература

- Абхазия и Южная Осетия / [Кавказский узел]. – М.: ИП Матушкина И.И., 2013. – 52 с.
- Аверинцев С. Символ художественный // Аверинцев С. Собрание сочинений. – Киев: Дух и Литера, 2006. – С. 386–394.
- Аристотель. Протрептик // Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти / Пер. на рус. Е.В. Алымовой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – С. 19–58.
- Аристотель. Протрептик [фрагмент] // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2012. – Вып. 3. – С. 10.
- Баранов А.Н. Аргументация в процессе принятия решений (к типологии метаязыков описания аргументативного диалога) // Когнитивные исследования за рубежом. Методы искусственного интеллекта в моделировании политического мышления / Отв. ред. В.М. Сергеев; АН СССР. Ин-т США и Канады. – М., 1990. – С. 19–33.
- Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 196–238.
- Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989 а. – С. 72–130.
- Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989 в. – С. 297–318.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений. – М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 6. – С. 6–300.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
- Берендеев М.В. «Образ» как эпистемологическая категория в дискурсивных практиках // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2012. – Вып. 3: Возможное и действительное в социальной практике и научных исследованиях. – С. 131–137.
- Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 153–170.
- Докинз Р. Эгоистичный ген / Пер. с англ. Н. Фоминой. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 512 с.
- Ильин М.В. Методологический вызов. Научная критика социальной воображаемости // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2012. – Вып. 3. – С. 5–10.
- Ильин М.В. Методологический вызов. Что делает науку единой? Как соединить разведенные сферы познания? // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014. – Вып. 4. – В печати.
- Ильин М.В. Существуют ли общие принципы эволюции? // Полис. – М., 2009. – № 2. – С. 186–189.
- Касториadis К. Воображаемое установление общества. – Москва: Гнозис, 2003. – 480 с.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. – СПб.: Искусство–СПб., 1998. – С. 14–285.

- «Математика и семиотика: две отдельные познавательные способности или два полюса единого органа научного знания?» Круглый стол // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014. – Вып. 4. – В печати.
- Медведев Д.А. Вступительное слово на заседании Государственного совета, посвященном ситуации вокруг Южной Осетии и Абхазии // Президент России. – М., 2008 а. – 6 сентября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/1314> (Дата посещения: 15.09.2012.)
- Медведев Д.А. Заявление Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева // Президент России. – М., 2008 б. – 26 августа. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/1222> (Дата посещения: 15.09.12.)
- Медведев Д.А. Заявления после подписания договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с республиками Абхазия и Южная Осетия // Президент России. – 2008 с. – 17 сентября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/1436> (Дата посещения: 15.09.2012.)
- Медведев Д.А. Интервью Дмитрия Медведева российским телеканалам // Президент России. – 2008 d. – 31 августа. – URL: <http://kremlin.ru/news/1276> (Дата посещения: 15.09.2012.)
- Медведев Д.А. Интервью телекомпании Си-эн-эн // Президент России. – М., 2008 e. – 26 августа. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/1227> (Дата посещения: 15.09.2012.)
- МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014. – Вып. 4: Поверх методологических границ. – В печати.
- Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–89.
- Платон. Тимей / Пер. С.С. Аверинцева // Платон. Сочинения в четырех томах / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. – Т. 3, Ч. 1. – С. 495–589.
- Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2001. – 192 с.
- Руднев В.П. Прочь от реальности. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.
- Семенов И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. – М., 2008. – № 5. – С. 7–18.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с франц. под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–273.
- Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – М., 2010. – № 1 (69). – С. 19–26.
- Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 37–113.
- Усманова А.Р. Знак иконический // Постмодернизм: Энциклопедия / Сост. и научн. ред.: А.А. Грицанов, М.А. Можейко; Отв. секретарь и ред. А.И. Мерцалова. – Минск: Интерпрессервис, 2001. – С. 289–292.
- Фомин И.В. Возможности структурного исследования образов в политических дискурсах // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 2. – С. 237–250.
- Фомин И.В. Категория социальной воображаемости // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2012. – Вып. 3. – С. 115–130.

- Фомин И.В. Образ государства: возможности политического дискурс-анализа (на примере образа Косова) // Полис. – М., 2014 а. – № 2. – С. 124–137.
- Фомин И.В. Образы Южной Осетии и Косова в российском внешнеполитическом дискурсе // Полития. – М., 2014 б. – № 2. – С. 128–143.
- Фомин И.В. Элементы семиотического органа для обществоведения: анализ повествований // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014 с. – Вып. 4. – В печати.
- Хайдеггер М. Наука и осмысление // Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 238–253.
- Цымбурский В.Л. Макроструктура повествования и механизмы его социального воздействия // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014. – Вып. 4. – В печати.
- Шрёдингер Э. Что такое жизнь? Физический аспект живой клетки. – М.; Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2002. – 92 с.
- Эдуард Кокойты: мы там практически выровняли все // Коммерсант. – М., 2008. – 15 августа. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1011783> (Дата посещения: 15.09.2012.)
- Appadurai A. Modernity at large. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1996. – 229 p.
- Castoriadis C. The imaginary institution of society. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1998. – 426 p.
- Parsons T. Societies: evolutionary and comparative perspective. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. – 120 p.
- Reisigl M., Wodak R. Discourse and discrimination. – L.: Routledge, 2001. – 298 p.
- Taylor C. Modern social imaginaries. – Durham: Duke univ. press, 2004. – 215 p.